

© 2010 г.

В.П. С МИРНОВ

О ДОСТОВЕРНОСТИ ИСТОРИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ

Вопрос о достоверности исторического знания – это самый главный вопрос исторической науки. Действительно ли мы имеем достоверные сведения о прошлом или только высказываем гипотезы, предположения, точки зрения? Конечно, это вечный вопрос. Во все времена и во всех странах добросовестные историки старались дать достоверное изложение событий, отделить достоверные сведения от недостоверных, факты – от мифов и вымыслов, подлинные документы – от фальшивых. Это часть постоянной повседневной работы историка в любое время, но мне кажется, что в настоящее время и в нашей стране проблема достоверности исторического знания приобрела особо важное значение.

Почему именно в нашей стране и в наше время? Потому что за последние два десятилетия мы пережили грандиозные потрясения. Распался Советский Союз, рухнули коммунистические режимы в СССР и странах Европы, резко изменилась вся система ценностей. В начале 80-х годов XX в. большинство советских людей гордилось своей страной, которая одержала победу в тяжелейшей войне против гитлеровской Германии и ее союзников, стала одной из двух “сверхдержав”, заняла второе место в мире по объему промышленного производства, впервые в истории человечества послала ракеты на Луну, а человека – в космос, стала ведущей силой “социалистического лагеря”, где жила треть населения земного шара.

Но вот грянула перестройка, и за какие-нибудь 4–5 лет образ страны стал совсем другим. Отечественные журналисты, политики, публицисты начали писать, что “главным результатом многолетнего большевистского правления стали горы трупов”¹; что советские люди 70 лет “строили сумасшедший дом” в “несчастной”, “небезучей”, “Богом проклятой стране”². Там обитает “изуродованная нация”, в характере которой преобладают черты “люмпена, совка, гомо советикуса – завистливого, продажного, криминального иждивенца”³.

За журналистами последовали историки, причем некоторые из них писали прямо противоположное тому, что они утверждали еще несколько лет назад. Особенно кардинальному пересмотру подверглось отношение к революциям, которые согласно К. Марксу и В.И. Ленину считались “локомотивами истории”, “праздником угнетенных и эксплуатируемых”. Теперь журналисты клеймили “чуму революций”⁴, доказывали, что “революция хуже, чем война”, что “революция нравственно дезорганизует челове-

Смирнов Владислав Павлович – доктор исторических наук, профессор кафедры новой и новейшей истории исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

¹ Литературная газета, 8.XII.1993.

² Московские новости, 22.VI; 25.X.1992; Комсомольская правда, 2.XI; 3.XII.1992.

³ Литературная газета, 25.VIII.1993; 22.IX.1993.

⁴ Огонёк, 1991, июль, № 27.

ка, она не имеет никаких моральных оснований”⁵. Октябрьская революция, заложившая основы советского государства, которую советская пропаганда представляла как событие всемирно-исторического значения, начало освобождения всего человечества от гнета капитала, теперь выглядела как “катастрофа 1917 года”, “большевистский переворот”, совершенный к тому же на немецкие деньги.

Естественно возникал вопрос, кому же верить? Насколько достоверно то, что пишут сейчас и то, что писали раньше? История и вообще наука были дискредитированы, зато распространилась вера во всякого рода сверхъестественные явления, в чудеса, в самые невероятные вымыслы. Рекламные издания заполнили объявления колдунов, “академиков высшей магии”, ясновидящих, которые обещали всем желающим обеспечить “приворот”, поставить волшебную “защиту”, избавить от “порчи”, алкоголизма и любых болезней прямо по предъявлению фотографии, с “гарантией 100%”⁶.

В такой обстановке появилось множество фальсификаций и просто вымыслов на исторические темы, которым публика охотно верила. В качестве примера приведу биографию Н.К. Крупской, написанную О. Грейг (“Красная фурия или как Надежда Крупская отомстила своим обидчикам”. М., 2008). Ее книга имеет все внешние признаки научного исследования со ссылками на литературу и новые документы, с которыми будто бы имела возможность познакомиться автор. Что же там написано? Если верить автору, Крупская училась в США (где, на самом деле, она никогда не бывала), в Йельском университете у масонов, которые будто бы хотели через нее погубить процветающую до Октябрьской революции Россию. Автор, утверждавший, что Крупская писала за Ленина его труды. Она якобы была любовницей великого князя Сергея Александровича (а мать Ленина – любовницей императора Александра III). Когда великий князь погиб от взрыва бомбы, брошенной террористом И.П. Каляевым, он как раз ехал на свидание с Крупской. Перед этим он написал Крупской любовное письмо, текст которого приводится в книге как подлинный документ.

Казалось бы, кто может всерьез воспринимать такую чушь? Но вот женщина с высшим университетским образованием (правда, не историк) сказала мне: “Я понимаю, что половина этой книги выдумки, но ведь вторая половина, наверное, правда”.

Недоверие публики к работам историков вызывало и переписывание истории в государствах, образовавшихся на территории Советского Союза после его распада. Прежние советские республики превратились в суверенные государства во главе с бывшими первыми или вторыми секретарями местных компартий, а то и совсем новыми людьми. Они быстро вошли во вкус власти, обзавелись многочисленной охраной и свитой, личными самолетами и вертолетами. Во время зарубежных визитов их встречали почетные караулы, они фотографировались рядом с лидерами великих держав. Кое-кто принялся строить себе дворцы, собирать коллекции драгоценностей, воздвигать на площадях собственные золотые статуи. Чтобы выглядеть крупными историческими деятелями, им приходилось переписывать историю. Занявшиеся этим делом местные историки руководствовались не только карьеристскими, но и патриотическими соображениями. Ведь любой стране, народу, нации, племени хочется показать, что они играли очень большую роль в истории, добились выдающихся результатов, победили многочисленных коварных и злобных врагов, совершили великие подвиги. Достоверность тут была ни к чему. Факты “подгоняли” под нужную концепцию; “неудобные” факты замалчивали или отрицали. Предатели становились героями, бывшие герои – предателями. Например, в России в 1709 г. предали анафеме гетмана Украины Ивана Мазепу и 300 лет считали его предателем, изменившим своему государю – Петру I, а теперь он объявлен национальным героем борьбы за независимость Украины. Можно привести и более близкие примеры. Так, бывший деятель перестройки, Г.Х. Попов оправдывает генерала Власова, который во время войны перешел на сторону гит-

⁵ Столица, 1991, № 23 (29), с. 7.

⁶ Такие объявления были помещены в рекламной газете: Центр-plus, 26.X.2001 и 22.I.2002.

леровской Германии как первого борца со сталинским режимом, причем основным источником ему служат высказывания “духа” Власова, чудодейственным образом вызванного Поповым из небытия (*Попов Г.Х.* Вызываю дух генерала Власова. М., 2008). Появились работы, авторы которых отрицают существование газовых камер в гитлеровских “лагерях уничтожения”; отрицают “Холокост” (уничтожение гитлеровцами 6 млн. евреев), отрицают геноцид армян в турецкой империи во время Первой мировой войны.

В нашей стране 50 лет – вплоть до 1989 г. – отрицали существование секретных советско-германских протоколов 1939 г. о разделе стран Восточной Европы между СССР и гитлеровской Германией, хотя они были опубликованы в Англии и США еще в 1948 г.

Тенденциозное изображение исторических событий и их прямая фальсификация достигли таких масштабов, что правительство России недавно создало специальную комиссию по борьбе с фальсификацией истории. Некоторые историки предлагают принять специальные законы, которые бы определили, что считать достоверным, а что – фальсифицированным.

По-моему, ни к чему хорошему это не приведет. В 2001 г. французский парламент заявил, что в 1915 г. в турецкой империи имел место геноцид армян, а в Турции приняли закон, по которому признание геноцида считается уголовным преступлением. Помогают ли подобные законы выяснению достоверности исторических сведений? Я думаю, нет; они только препятствуют научному исследованию; создавая запретные для историков зоны. К тому же для соблюдения закона и предотвращения недостоверной исторической информации нужна цензура, а она запрещена Конституцией Российской Федерации (ст. 29). Цензура существовала в царской России и, – в еще более жесткой форме, – в Советском Союзе, но и там она не смогла полностью предотвратить распространение нежелательных для власти мнений и сведений⁷. Сейчас, в эпоху Интернета, это и вовсе невозможно.

Я думаю, что главный способ борьбы с фальсификацией истории состоит в свободной научной дискуссии при условии беспрепятственного доступа специалистов к документам, в том числе к тем, которые хранятся в секретных государственных и ведомственных архивах.

В последние несколько лет в нашей стране произошла подлинная “архивная революция”. Открылись, – хотя и далеко не полностью, – секретные архивы, хлынул поток документальных публикаций, позволяющих написать правдивую историю на основе достоверных документов. Это огромное достижение, значительно увеличившее степень достоверности наших знаний об истории своей страны и других стран. Нельзя, однако, не видеть, что, во-первых, в архивах есть далеко не все из того, что интересует историка, а во-вторых, не все архивные документы достоверны. Бывают такие документы, которые нельзя назвать просто фальшивками – они имеют все внешние признаки достоверности: подлинные даты, подписи, печати, но их содержание совершенно недостоверно.

Приведу пример из жизни одного из самых выдающихся советских полководцев – Маршала Советского Союза К.А. Мерецкого, командовавшего рядом фронтов и награжденного всеми высшими советскими орденами: Орденом Победы, двумя орденами Суворова I степени, орденом Кутузова I степени, семью орденами Ленина и многими другими наградами. Накануне войны Мерецков, тогда уже Герой Советского Союза и начальник Генерального штаба Красной Армии, был арестован и под пытками “признался” в государственной измене и участии в антисоветском заговоре – вместе с командующим Западным фронтом Героем Советского Союза генералом армии Д.Г. Павловым.

⁷ В качестве забавного примера произвола и неэффективности цензуры напомним, что сказка П.П. Ершова “Конек-горбунок” в 1855 г. была запрещена за насмешки над царем и религией, а в 1921 г. – за симпатии к царизму и церкви. Это не предотвратило ее широчайшее распространение и в дореволюционной России, и в СССР.

Павлова, войска которого летом 1941 г. потерпели тяжелое поражение, тут же расстреляли (а через 15 лет полностью реабилитировали), но судьба Мерецкова сложилась иначе. В сентябре 1941 г., когда немецкие войска наступали на Ленинград и Москву, а способных военачальников в СССР катастрофически не хватало, Мерецкова освободили и сразу направили командовать армией, а потом и фронтом. Добавлю, что во всех энциклопедиях и в официальных биографиях Мерецкова (как и в его воспоминаниях) об этом нет ни слова.

Придя в архив, современный историк может обнаружить там подлинные собственноручные “признания” Мерецкова в измене, но понятно, что с точки зрения достоверности они ничего не стоят; все это не более, чем фальшивки. И подобных документов немало. В частности, это материалы фальсифицированных “Московских процессов” 20–30-х годов.

Конечно, это не значит, что всем архивным документам нельзя доверять. Это значит, что к ним, – как и к любым другим источникам, – нужно подходить критически; выяснять их достоверность, сравнивать с другими данными.

К проблеме достоверности исторических знаний обращались не только историки, но и представители других наук, в том числе математики и лингвисты.

В 90-е годы XX в. проблемой достоверности занялся известный математик, специалист в области многомерного вариационного исчисления, дифференциальной геометрии и топологии, профессор мехмата МГУ, лауреат Государственной премии Российской Федерации, академик А.Т. Фоменко. Отправной точкой ему послужили вычисления параметров многолетнего движения Луны, определяемые по датам лунных затмений. Согласно теории гравитации, график одного из параметров должен был изображаться плавной, почти горизонтальной линией, но оказалось, что в интервале VIII–X вв. эта линия делает неожиданный “скачок”, который теория не могла объяснить. Но если предположить, – как это сделал Фоменко, – что в действительности эти затмения происходили примерно на 1000 лет позже, график приобретает требуемую теорией форму. Отсюда Фоменко заключил, что общепринятая датировка событий древней и средневековой истории неверна; на самом деле они происходили примерно на тысячу лет позже. События, которые историки относят к античным временам, в действительности происходили в средние века⁸.

Аналогичные результаты Фоменко получил и из других астрономических данных. Так, анализируя приписываемый знаменитому греческому астроному Птолемею, каталог звезд под названием “Альмагест”, традиционно относимый ко II в. н.э., Фоменко пришел к выводу, что указанные там координаты звезд соответствуют не II в. н.э., а нескольким столетиям позже (в интервале 600–1300 гг. н.э.)⁹. Как известно в Евангелии сказано, что в момент рождения Иисуса Христа в небе зажглась яркая звезда. По мнению Фоменко, такая яркая звезда могла относиться только к типу “сверхновых” звезд, но единственная известная астрономам подходящая “сверхновая” звезда вспыхнула только в 1054 г. и, следовательно, дату рождения Христа надо перенести на тысячу с лишним лет позднее¹⁰.

В этих работах Фоменко не отрицал существования ни исторических событий, ни исторических личностей; он лишь доказывал, что они имели место примерно на тысячу лет позже. С точки зрения историков это невероятно, но поскольку “новая хронология” Фоменко основана на астрономических и математических доводах, окончательный ответ о ее достоверности или ошибочности должны дать астрономы и математики.

В других своих работах Фоменко пошел еще дальше. Предприняв статистическую обработку нарративных источников – летописей, хроник, энциклопедий, – он обнару-

⁸ Фоменко А.Т. Критика традиционной хронологии античности и средневековья. (Какой сейчас век?). М., 1993, с. 5.

⁹ Там же, с. 33–36.

¹⁰ Там же, с. 113–114.

жил, что в них имеются совпадения, которые Фоменко назвал “дубликатами”. Более или менее совпадали периоды нахождения у власти правителей античности и средних веков; их действия описывались в сходных выражениях. Отсюда Фоменко сделал вывод о том, что в истории под разными именами фигурировали одни и те же личности. Реально они жили в Средние века, но по ошибке их “дубликаты” записали еще и в историю античности¹¹. Например, описание деятельности реформатора католической церкви римского папы Григория VII (Гильдебранда) напоминает деяния Иисуса Христа¹². К тому же Гильдебранд умер в 1085 г., а Христос согласно “новой хронологии” – в 1087 г. “Таким образом, смерть обоих персонажей происходит практически в один и тот же год”¹³. Следовательно, Гильдебранд может быть “оригиналом” Иисуса Христа¹⁴.

Помимо истории, Фоменко и его сотрудники (особенно Г.В. Носовский) занялись лингвистикой. Они слышали, что в некоторых языках слова читаются справа налево, а гласные буквы опускаются, и принялись смело вставлять подходящие буквы в слова самых различных языков, и, в случае необходимости, читать их справа налево. Кроме того, они почему-то пребывали в уверенности, что одинаковые сочетания звуков в разных языках означают одно и то же. Например, сочетание звуков “рус” везде означает “русский” (хотя по-латыни “рус” значит “деревня”).

Результаты получились самые удивительные. Монголия, по мнению Фоменко и его сотрудников, «это просто греческое слово “мегалион”, означающее “великий”, а поскольку Восточная Русь называлась Велико-Россией, то “Монгольская Империя” это “Великая Империя”, т.е. средневековая Русь»¹⁵. Никакого татаро-монгольского завоевания Руси не было. “Орда” – это “попросту русская военная власть”, Батый – означает “батька”, а татаро-монгольские ханы – это, на самом деле, русские князья¹⁶.

Подводя итоги своим изысканиям в области российской истории академик Фоменко и его сотрудники выделяют шесть “основных опорных идей”, в справедливости которых, по их мнению, “трудно сомневаться”. Приведем их полностью:

1. Ярослав, отец Александра Невского-Батый-Иван Калита-Дмитрий Донской-Тахтамыш.
2. Великий Новгород-Ярославль.
3. Поле Куликово – это конкретное место в городе Москве.
4. “Иван Грозный” – это “сумма” нескольких отдельных царей.
5. Борис Годунов был очень молод, когда умер (был убит?).
6. В русской истории имеется династический параллелизм, сдвиг примерно на 410 лет; ранняя история Руси является отражением (дубликатом) ее истории периода от 1350 г. до 1600 г.¹⁷

Исторические построения академика Фоменко и его сотрудников подвергались уничтожающей – и, по-моему, совершенно справедливой, – критике со стороны историков, в том числе ученых Исторического факультета МГУ¹⁸. Подробный разбор содержащихся в их работах лингвистических несуразностей дал выдающийся лингвист, академик А.А. Зализняк¹⁹.

Тем не менее, единомышленники Фоменко до сих пор пользуются большим успехом у читающей публики в нашей стране и за рубежом. Их книги издаются массо-

¹¹ Там же, лекции 8, 9, 10.

¹² Там же, лекция 11.

¹³ Там же, с. 107.

¹⁴ Там же, с. 105.

¹⁵ Там же, с. 172.

¹⁶ Там же, с. 172–173.

¹⁷ Там же, с. 196.

¹⁸ См.: Мифы “новой хронологии” А.Т. Фоменко. – Новая и новейшая история, 2000, № 3. Правда, эта критика отчасти была мимо цели, так как не затрагивала астрономических данных и математических вычислений Фоменко.

¹⁹ Зализняк А.А. Лингвистика по А.Т. Фоменко. – Вопросы языкознания, 2006, № 6.

выми тиражами и пользуются спросом. В Германии действует общество сторонников “новой хронологии”, которое издает свой журнал, публикует книги, созывает международные конференции. В 1998 г. в Берлине вышла в свет (и в 2004 г. была переведена на русский язык в России) книга немецкого автора У. Топпера “Великий обман. Выдуманная история Европы”, в которой автор утверждал, что вся история от античности до эпохи Ренессанса была выдумана европейскими гуманистами, а история Китая – европейскими миссионерами – иезуитами. По словам Топпера, произведения античной литературы “суть гениальные фальсификации итальянских гуманистов”²⁰. Топпер убежден, что “начиная со времен ранних гуманистов (Николай Кузанский) и до иезуитов, осуществлялась сознательная и усердная фальсификация истории”, цель которой состояла в том, чтобы, “заполнив лакуны идеологически и мировоззренчески “правильным” содержанием, симитировать историю»²¹. При этом все события были сдвинуты фальсификаторами на 200 – 300 лет назад, в глубь веков, в результате чего и “произошло страшное изменение нашего исторического знания”²².

Топпер не ссылается на движения Луны, но считает возможным, что сдвиги в хронологии произошли в результате неких космических катастроф, вызвавших “приступы коллективного невроза” и заставившие человечество “забыть ужасы планетарной катастрофы недавнего прошлого”²³.

Заметим, что авторы всех этих фантазий выступают как поборники точных научных методов исследования с целью “восстановления достоверной хронологии событий древности”²⁴; желая “представить себе действительный облик прошлого” и разоблачить “фальсификацию нашей истории”²⁵. Выходит, стремление к научности и точным математическим методам исследования не только не гарантирует достоверности исторических знаний, но может давать обратные результаты.

Еще одну попытку проверить достоверность исторического знания предприняли историки и лингвисты “постмодернистского” направления, в том числе сторонники так называемого “лингвистического поворота”. В конце XX – начале XXI в. они приобрели большое влияние в США, Германии и Франции, где их лидерами были крупные французские философы, историки и лингвисты: Мишель Фуко, Мишель де Серто, Ролан Барт.

Главное внимание “постмодернисты” уделяли не самим историческим событиям, а их восприятию историками, которое, разумеется, субъективно. Они отвергали как проявление “наивного реализма” формулу знаменитого немецкого историка XIX в. Леопольда фон Ранке, призывавшего писать историю “так, как это, собственно, было”. Что значит “как было”? Ведь прошлого уже нет; оно существует только в голове историка. Историк не наблюдает события прошлого, а “конструирует” их в своем сознании, причем нельзя сказать насколько достоверно. По мнению Фуко, только мысль историка упорядочивает прошлое и объединяет отдельные факты в исторические концепции. Доказать соответствие исторической концепции реальности невозможно²⁶.

“Постмодернисты” считают неоспоримым, что “нет истории без историка”. По их мнению, история – это то, что пишет историк. А что он пишет? Тексты, которые, как любые другие тексты следует анализировать по правилам лингвистики. Историк выражает свои мысли словами и ссылается на слова других историков; значит его исследование, по существу, лишь “высказывание о других высказываниях”. Исторический

²⁰ Топпер У. Великий обман. Выдуманная история Европы. Планомерная фальсификация прошлого от античности до эпохи Ренессанса. СПб., 2004, с. 20.

²¹ Там же, с. 24–25.

²² Там же, с. 282, 25.

²³ Там же, с. 283, 293.

²⁴ Фоменко А.Т. Указ. соч., с. 3.

²⁵ Топпер У. Указ. соч., с. 11.

²⁶ Подробнее см.: L’histoire et le métier d’historien en France 1945–1995. Paris, 1995, p. 154–164.

факт “имеет лишь лингвистическое существование”, – провозгласил Барт²⁷. Известный французский историк Антуан Про резюмировал взгляды сторонников лингвистического поворота следующим образом: они “навязывают вывод, что в истории есть только тексты, тексты и тексты, которые никак не соотносятся с реальностью. История – это фикция, вымысел, субъективные и беспрерывно пересматриваемые интерпретации; это литература. Историки не создают знание, которое могли бы использовать другие. Они производят лишь высказывания о прошлом”²⁸.

Отсюда следует, что “история – это не наука и никогда ею не будет”; она – лишь разновидность литературы, игра воображения, фантазии, в лучшем случае, точки зрения. Говорить о достоверности и объективности исторического знания, об исторической истине не приходится.

Сходные точки зрения высказывали и некоторые отечественные историки. «Подобно миру, история существует лишь в нашем воображении, – пишет Н.Е. Копосов в книге “Как думают историки”. – Это не значит, что ничего из того, что рассказывают историки, не происходило в действительности. Это значит, что происходившее в действительности становится историей лишь в той мере, в какой попадает в область разума и преобразуется в ней»²⁹. Один из самых уважаемых наших историков А.Я. Гуревич полагал, что “сама постановка вопроса об объективности исторических знаний некорректна”³⁰.

Я не могу с этим согласиться. Если бы мир существовал только в нашем воображении, а не в реальности, то согласованная человеческая деятельность была бы невозможна, так как у разных людей воображение различно, и они не могли бы приспособиться к реальности. Изречение “нет истории без историков” справедливо, если под историей понимать процесс историописания, который, разумеется, осуществляется историками, но оно не верно, если считать историей прошлое человечества, которое существовало до историков и независимо от них. Непонятно, почему историей надо считать только ту часть “происходившего в действительности”, которая “попадает в область разума и преобразуется в ней”? Это не более чем голословное утверждение. Источники, которыми пользуется историк, вовсе не сводятся к письменным источникам, а говорить о “высказываниях” неписменных источников не приходится.

Как и подавляющее большинство историков, я считаю, что к историческому знанию относятся не только “высказывания”, но и, прежде всего, огромная и все время увеличивающаяся масса вполне достоверных сведений об исторических фактах. Конечно, понятие “исторический факт” многозначно. Это может быть какое-то событие, процесс, состояние общества или духа, но все это факты действительности. Приверженцам “лингвистического поворота” надо ответить на очень простые, “детские”, но неизбежные вопросы. Например, существовал Древний Рим в действительности или только в воображении историков? Ответ очевиден: о существовании Древнего Рима наглядно свидетельствуют не только высказывания историков, но и памятники античности (мосты, дороги, акведуки, здания). Достоверен ли рассказ историков о гибели Помпеи или это только их “высказывания”? Ответ дают раскопки Помпеи, засыпанной вулканическим пеплом во время извержения Везувия, как и рассказывали античные авторы.

Таких вопросов может быть бесконечное множество. Скажем, достоверно ли, что Юлий Цезарь завоевал Галлию; что Наполеон Бонапарт провозгласил себя Императором и в 1804 г. (по обычной, а не “новой хронологии”) короновался в Париже; что Дж. Вашингтон был первым президентом США? Существовали ли в действительности эти личности или это только чьи-то “дубликаты”? Находясь в здравом уме невозможно отрицать эти факты, подкрепленные множеством документальных и иных

²⁷ Подробнее см.: *Копосов Н.Е.* Как думают историки. М., 2001, с. 286.

²⁸ *Prost A.* Douze leçons sur l'histoire. Paris, 1996, p. 289.

²⁹ *Копосов Н.Е.* Указ. соч., с. 8.

³⁰ Вопросы истории, 1992, № 8–9, с. 162.

источников³¹. Но ведь это часть исторического знания – очень важная и вполне достоверная. Другими словами, все такого рода сведения являются объективной исторической истиной.

Иначе обстоит дело с интерпретацией исторических фактов, которая неизбежно субъективна. Да, Цезарь завоевал Галлию, но как оценить и истолковать этот факт? Галлы потеряли свободу, но римляне принесли им более высокую цивилизацию, достижения своей материальной и духовной культуры. Часть историков рассматривала и продолжает рассматривать завоевание Галлии как исторический прогресс, другие – как угнетение галлов. Подобные разногласия возникают по поводу множества других исторических событий. Они относятся скорее к историографии, чем к истории, и, конечно, субъективны. Я думаю, что такая субъективность неустранима.

Она неустранима, по крайней мере, по двум основным причинам. Во-первых, любая попытка осмыслить исторический процесс, событие, личность исходит из имеющихся у историков взглядов, системы ценностей, убеждений, предрассудков, влияния моды и многих других обстоятельств. Во-вторых, даже если бы историк сознательно уклонялся от любых оценок, ограничиваясь только описанием фактов, его изложение все равно не может быть вполне нейтральным, так как сознательные или подсознательные симпатии и антипатии автора проявляются в замысле его работы, в отборе фактов, в порядке и способе их изложения, в тональности описаний, в терминологии. Далеко не все равно назвать Английскую революцию XVII в. “великим мятежом” или “славной революцией” (как это делали английские историки); назвать Октябрьскую революцию в России “социалистической революцией” или “большевистским переворотом”.

Как известно, “мятеж не может кончиться удачей, в противном случае, его зовут иначе”. К тому же надо иметь в виду, что понятия, которыми оперирует историк, особенно такие общие как “прогресс”, “развитие”, “реакция”, “значительное” или “незначительное” событие, “большая” или “малая” роль в истории весьма субъективны, далеко отстоят от конкретных фактов, плохо поддаются точному определению и верификации. Критерии “прогресса” или “реакции” весьма условны.

Отсюда не следует, что интерпретации фактов вообще не связаны с исторической действительностью; что история – только плод воображения или результат рассуждений историков. Степень достоверности различных интерпретаций более чем различна, но все они связаны с реальностью и могут оцениваться по их соответствию фактам. В противном случае было бы невозможно отличить научное исследование от писаний графоманов, действительность от вымысла. Работа историка, как ученого, исследующего прошлое с целью установления фактов и выяснения исторической истины, лишилась бы смысла. Я уверен, что этого не случится.

³¹ Даже академик Фоменко считает вполне достоверными события и исторических деятелей нового и новейшего времени.